Курган бронзового века № 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на Нижнем Днестре

Разумов Сергей Николаевич, Лысенко Сергей Дмитриевич, Синика Виталий Степанович, Тельнов Николай Петрович

Резюме. В статье публикуются материалы из кургана 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Было исследовано семь комплексов ямной культурно-исторической общности, три из которых являлись основными. Особенности обряда позволяют отнести их к первой половине III тыс. до н. э. Ещё четыре комплекса, впущенные в восточную полу, являются позднеямными. Три захоронения ингульской катакомбной культуры можно датировать последней четвертью III тыс. до н. э. Выделяется погребение 7 с расчленённым костяком, трепанацией, базальтовой заготовкой навершия булавы. В захоронении 11 найдена стилизованная кремневая фигурка. Позднейшим в кургане 2 было погребение 9, датированное IX в. н. э. Исходя из датировки, предварительно его можно связывать с населявшими в это время территорию Северо-Западного Причерноморья древневенгерскими племенами.
Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, ранний бронзовый век, средний бронзовый век, курганы, погребальный обряд.

Bronze Age barrow No. 2 of the "DOT" group near Glinoe village on the Lower Dniester *(Razumov S. N., Lysenko S. D., Sinika V. S., Telnov N. P.)***.** The article publishes materials from the barrow 2 of the "DOT" group near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester. Seven complexes of the Pit Graves cultural and historical community were studied three of which were the main ones. The ritual features make it possible to attribute them to the first half of the 3rd millennium BC. Four other complexes are late Pit Graves burials; they were sunk in the eastern edge of barrow. The three graves of the Ingul Catacomb culture can be dated to the last quarter of the 3rd millennium BC. The grave 7 with dismembered skeleton, trepanation, a basalt billet of a mace head stands out. A stylized flint figurine was found in burial 11. The burial 9 was the latest in barrow 2 was, dated to the 9th century AD. Based on the dating, it is preliminary associated with the ancient Hungarian tribes that inhabited the territory of the North-West Black Sea region at that time.
Keywords: Lower Dniester region, Early Bronze Age, Middle Bronze Age, barrows, funeral rite.

Tumulul nr. 2 (epoca bronzului) din Grupul „DOT" de lângă s. Glinoe din regiunea Nistrului Inferior *(S. N. Razumov, S. D. Lysenko, V. S. Sinika, N. P. Telnov)*. Articolul se referă la materialele descoperite în tumulul 2 din grupul „DOT", de lângă satul Glinoe, pe malul stâng al Nistrului Inferior. Au fost studiate șapte complexe atribuite comunităților cultural-istorice

Iamnaia, din care trei sunt morminte principale. Trăsăturile ritualului funerar ne determină să le atribuim cronologic în prima jumătate a mileniului III BC. Un număr de patru complexe sunt de tip Iamnaia târzii; acestea erau localizate în marginea estică a tumulului. Trei morminte, atribuite culturii Catacombnaia-Ingul, pot fi datate în ultimul sfert al mileniului III BC. Se evidențiază mormântul 7, unde s-a descoperit un cap de măciucă din bazalt nefinalizată/ prefabricată și un schelet dezmembrat, cu trepanație craniană. În mormântul 11 a fost descoperită o figurină stilizată din silex. Mormântul 9, datat în sec. IX d.Hr., este cel mai târziu complex pentru tumulul 2. Conform datării, deocamdată acest din urmă mormânt poate fi atribuit triburilor ungare care au vieţuit în acele vremuri în regiunea de nord-vest a Mării Negre.
Cuvinte cheie: regiunea Nistrului Inferior, perioada timpurie a epocii bronzului, perioada mijlocie a epocii bronzului, tumuli, rit funerar.

.....

С 1995 по 2019 г. в окрестностях с. Глиное Слободзейского района Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко исследовала 156 курганов, 13 из которых были сооружены в позднем энеолите и раннем бронзовом веке. В настоящей статье вводятся в научный оборот материалы одного из этих курганов – № 2, исследованного в 2016 г.

Курганная группа «ДОТ» находится в 1,8 км к ССВ от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь–Днестровск. Группа расположена на юго-восточной оконечности невысокого плато, ограниченного с севера балкой р. Красная, а с юга – акведуком, ведущим от дороги Глиное–Первомайск к землям сельского совета с. Чобручи (рис. 1). В советское время курганы группы «ДОТ» находились под сливовым садом. В настоящее время эта территории раскорчёвана.

В состав курганной группы входили минимум три кургана. Курган № 1, исследованный в 2013 г., располагался на склоне указанного плато, в 0,02 км к северу от акведука. Курган №2 располагался в 0,59 км к северу-северо-западу (331°) от кургана №3. Курган №3, исследованный в 2019 г., находился в 0,065 км к северу-северо-западу (334°) от кургана №1. Все курганы были сооружены в раннем бронзовом веке.

Курган 2 копался параллельными траншеями с использованием землеройной техники. Были разбиты три бровки по линии север – юг, ширина всех бровок по 0,6 м, длина центральной бровки 36 м, западной и восточной бровок – по 28 м, расстояние между осями бровок по 5 м (рис. 2-3). Высота кургана от современной поверхности составляла около 0,5 м; визуальный диаметр насыпи – около 30 м.

В кургане обнаружено 11 погребений: семь захоронений ямной культурно-исторической общности; три погребения ингульской катакомбной культуры; одно захоронение средневекового кочевника.

Погребение 1 (ямной культурно-исторической общности, впускное) обнаружено в I Западной траншее в 7 м к северу и в 2 м к западу от R_0. Совершено в яме.

Яма прямоугольной формы размерами 1,45х0,9 м и глубиной -1,2 м от R_0 была ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток.

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на спине, головой на запад-северо-запад. Ноги упали вправо. Руки были вытянуты вдоль тела, череп и стопы окрашены красной охрой. Под костями зафиксирован коричневый органический тлен от подстилки.

Погребение безынвентарное (рис. 4/1-2).

Погребение 2 (ямной культурно-исторической общности, впускное, кенотаф) обнаружено в I Западной траншее, в 10 м к югу и в 2 м к западу от R_0.

Яма прямоугольной формы размерами 1,38х0,75 м и глубиной -1,38 м от R_0 была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В северо-западной части ямы в придонном заполнении были найдены зуб и фрагменты костей мелкого рогатого скота (рис. 4/3-4). Кости человека, остатки подстилки и артефакты не обнаружены.

Погребение 3 (ямной культурно-исторической общности, одно из основных для первой насыпи) обнаружено в I Западной траншее, в 2 м к северу и в 2 м к западу от R_0. Совершено в яме. Севернее и южнее ямы, вдоль длинных стен, был уложен материковый выкид в виде двух подпрямоугольных в плане площадок размерами около 5х2 м и толщиной до 0,2 м.

Яма прямоугольной формы размерами 1,85х1,15 м и глубиной -1,59 м от R_0 (около 1 м от древнего горизонта) была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад.

Костяк взрослого человека сильно повреждён норами. Очевидно, он лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад. Череп был окрашен красной охрой. Под костями зафиксирован светло-серый органический тлен от подстилки. По углам и посередине стенок ямы были расчищены восемь углублений от колышков глубиной 4-14 см, диаметром 3-4 см.

Погребение безынвентарное (рис. 4/5-6).

Погребение 4 (ямной культурно-исторической общности, одно из основных для первой насыпи) обнаружено в I западной траншее, в 3 м к югу и в 1 м к западу от R_0. Совершено в яме. К востоку от неё, на уровне древнего горизонта, был уложен материковый выкид в виде сегмента длиной до 2,4 м, шириной до 1,2 м и толщиной до 0,15 м.

Яма прямоугольной формы размерами 1,62х1,38 м и глубиной -1,54 м от R_0 (около 0,95 м от древнего горизонта) была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад.

Захоронение парное. Под южной стенкой лежал костяк 1 – взрослого, в скорченном положении на спине с разворотом на левый бок, головой на юго-запад. Череп был окрашен охрой, у правого плеча обнаружено изделие из алой охры диаметром около 5 см. Слева от костяка 1, под северной стенкой, находился костяк 2 – ребёнок. Он лежал в скорченном положении на спине с разворотом на правый бок, головой на юго-запад. Череп был окрашен охрой, у правого плеча обнаружено изделие из алой охры диаметром около 3 см. Под костяками зафиксирован светло-серый органический тлен от циновки, выше неё, под каждым костяком в отдельности, были зафиксированы два пятна коричневого органического тлена от подстилок. По углам и посередине стенок ямы были расчищены восемь углублений от колышков глубиной 8-12 см, диаметром 3-5 см.

Погребение безынвентарное (рис. 5/1-2).

Погребение 5 (ямной культурно-исторической общности, впускное) обнаружено во II Восточной траншее, в 4 м к югу и в 5,5 м к западу от R_0. Совершено в яме.

Яма трапециевидной формы размерами 1,2-1,75х2,4 м и глубиной -1,62 м от R_0 была ориентирована по линии север-северо-восток – юг-юго-запад.

Костяк взрослого (мужчина?) лежал в скорченном положении на левом боку с разворотом на спину, головой на юг-юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Под костями зафиксировано прямоугольное пятно коричневого органического тлена от подстилки размерами 1,5х1,2 м. В 0,35 м западнее левого локтя был найден отщеп кремня (1) (рис. 5/3-4).

Описание находки

1. Отщеп тёмно-серого мелового кремня размерами 1,6х1,1х0,4 см, без следов сработанности.

Погребение 6 (ямной культурно-исторической общности, основное для второй насыпи) обнаружено в I восточной траншее, в 2,5 м к югу от R_0, под центральной бровкой. Совершено в яме с уступом, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Уступ прямоугольной формы, размерами 2,25х1,65 м и глубиной -0,65 м от R_0.

Яма прямоугольной формы размерами 1,8х1,05 м и глубиной -1,58 м от R_0 была на уровне уступа продольно перекрыта плахами. Их фрагменты обнаружены в заполнении ямы.

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-запад. Ноги упали влево, руки вытянуты вдоль тела. По дну ямы отмечен светло-серый органический тлен; поверх него, непосредственно под костяком – коричневый органический тлен. В углах и посередине длинных стенок в дне ямы были зафиксированы шесть углублений от колышков глубиной до 10 см, диаметром 3-5 см.

Погребение безынвентарное (рис. 6).

Погребение 7 (ингульской катакомбной культуры, впускное) обнаружено под восточной бровкой, в 13 м к северу от её центра.

Входная шахта округлая, диаметром около 1,15 м по дну и глубиной от R_0 -1,90 м. На момент раскопок входная шахта была заполнена материковым выкидом. В южной половине шахты была сделана ступенька высотой до 0,1 м и шириной до 0,3 м. Вторая ступенька вела в нависающий над камерой с севера дромос, её высота составляла 0,7 м. Свод дромоса арочный, высотой до 1 м над дном камеры (-1,69 м от R_0), ширина дромоса 0,65 м.

Южнее входной ямы находилась погребальная камера подовальной формы размерами 2,3х1,7 м по дну и глубиной -2,66 м от R_0, ориентированная по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Высота арочного свода камеры достигала 0,80 м над дном (рис. 7/1-2).

В северной части камеры, ближе к дромосу, на дне был зафиксирован расчленённый костяк взрослого человека (мужчины?). Под ступенькой в северо-восточной части камеры были компактно, частично в анатомическом порядке, сложены кости грудной клетки, обе лопатки, ключицы, шейные позвонки. Поверх них был уложен теменем вверх череп без нижней челюсти (лежала отдельно в северо-западной части камеры). Западнее черепа и частично под ним были уложены в анатомическом порядке кости рук, левая вытянуто на запад, правая почти параллельно ей, слегка согнута в локте. Северо-западнее черепа и плечевых костей лежали тазовые кости и кости ног в сочленениях – кости левой ноги поверх костей правой, скрещённые в голенях. Южнее берцовых костей, в центре камеры, лежали крестец и поясничные позвонки. Отдельные фаланги пальцев ног и рёбра были разбросаны по дну камеры. На теменной кости черепа, справа, расположено округлое трепанационное отверстие диаметром около 2 см со следами заживления[1] (рис. 8/1). На левой лучевой кости зафиксирован частично заживший перелом (рис. 8/2).

[1] Кости были предварительно осмотрены доктором Сильвией Лукасик из Университета им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).

Вероятно, первоначально погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на восток по длинной оси камеры. Какое-то время, достаточное для частичного разложения трупа, входная шахта оставалась незасыпанной. Затем тело было потревожено, сдвинуто ближе к дромосу, при этом его целостность была частично нарушена. Лишь после этого входная шахта была заполнена утрамбованным материковым выкидом. Отметим, что большая часть костей лежала не на дне камеры, поверх слоя рыхлого грунта мощностью 3-10 см. Видимо, грунт попал в камеру в то время, когда входной колодец стоял открытым.

Севернее скопления костей таза и грудной клетки, под дромосом, была найдена заготовка каменного навершия булавы (1).

Описание находки

1. Заготовка навершия булавы сферической формы. Изготовлена из базальта серого цвета. Высота заготовки 49 мм. Диаметр заготовки 53,5х54,5 мм; диаметр верхней площадки 18 мм, диаметр нижней площадки с намеченной сверлиной 21 мм; глубина сверлины 1,5 мм (рис. 7/3; 8/3).

Погребение 8 (ингульской катакомбной культуры, впускное) обнаружено под западной бровкой, в 12,5 м к югу от её центра.

Входная шахта округлая, диаметром около 0,9 м по дну и глубиной -1,53 м от R_0. В восточной части шахты были сделаны две ступеньки, обе высотой до 0,15 м, ведущие в камеру. Дромос шириной около 0,5 м частично нависал над камерой, верхняя часть его свода обвалилась.

Севернее входной ямы находилась погребальная камера овальной формы размерами 1х0,85 м по дну и глубиной -1,84 м от R_0, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. Свод камеры обвалился, в южной части сохранился на высоту 0,26 м над дном.

На дне камеры лежал костяк ребёнка в скорченном положении на спине, головой на север-северо-запад. Череп окрашен охрой. Ноги уложены коленями вправо. Под костями зафиксирован коричневый органический тлен от подстилки.

Погребение безынвентарное (рис. 9/1-2).

Погребение 9 (средневекового кочевника, впускное) обнаружено под восточной бровкой, в 12 м к югу от её центра. Контуры погребального сооружения проследить не удалось.

Костяк (зафиксирован на глубине около 0,9 м от R_0) смещён бульдозером при снятии бровки, *in situ* сохранились только кости стоп. Вероятно, костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Инвентарь не обнаружен (рис. 9/3).

Погребение 10 (ямной культурно-исторической общности, впускное) обнаружено во II восточной траншее, в 5 м к востоку от центра восточной бровки. Совершено в яме с уступом, ориентированным по сторонам света. Уступ квадратной формы с закруглёнными углами размерами 1,9х1,95 м и глубиной 1,26-1,28 м от R_0.

Яма прямоугольной формы размерами 1,34х1 м и глубиной -1,82 м от R_0 (около 0,55 м от уровня заплечиков) была ориентирована по линии север – юг и поперечно перекрыта жердями на уровне уступа.

Костяк взрослого человека старческого возраста (женщина?) лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на север. Зубы полностью отсутствовали, челюсти облитерированы. Правая рука была согнута в локте почти под прямым углом, кисть под бедренными костями, перед тазом. Возле правой кисти лежали два копытца и две фаланги мелкого рогатого скота, окрашенные красной охрой. Левая рука согнута в локте под острым углом, кисть уложена у нижней челюсти. Под костями зафиксированы коричневый органический тлен от подстилки и мелкие древесные угли (рис. 9/4-5).

Погребение 11 (ингульской катакомбной культуры, впускное) обнаружено под восточной бровкой, в 11 м к югу от её центра.

Овальная входная шахта размерами 1,5х1,25 м и глубиной -1,73 мот R_0 была ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. В восточной части шахты была сделана отвесная ступенька высотой 1,2 м, ведущая в камеру. Дромос шириной около 0,75 м частично нависал над камерой, верхняя часть его свода обвалилась. В заполнении дромоса найдена кремнёвая галька со следами работы (1).

К северу от входной ямы находилась погребальная камера в форме неправильной трапеции с сильно закруглёнными углами, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад, размерами 2,5-1,5х1,75 м по дну и глубиной -2,94 м от R_0. Свод камеры обвалился, в западной части сохранился на высоту 0,75 м над дном.

На дне камеры лежал костяк взрослого человека (мужчина?) в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. По всему дну камеры отмечен слой коричневого органического тлена от подстилки (рис. 10/1, 3).

Описание находки

1. Окатанный фрагмент конкреции желтовато-серого кремня размерами 5,5 х 4 х 2,2 см в форме вытянутой трапеции. Посередине большего основания

полукруглый выступ со следами обработки в виде интенсивной забитости (рис. 10/2).

Стратиграфия кургана

В профилях кургана 2 группы «ДОТ» прослежено наличие двух насыпей (рис. 2-3). Первоначальные границы первой насыпи определялись внутренним краем околокурганной выемки шириной около четырёх метров. Этот край фиксировался очень чётко, в виде почти отвесной «ступеньки» высотой 0,2-0,3 м, образовавшейся при снятии дерновых блоков, которые, очевидно, использовались при сооружении насыпи. Погребённая поверхность фиксируется практически под всей насыпью: она, видимо, была сильно утоптана. Отметим, что в плане первая насыпь была яйцевидной формы, размерами примерно 18,5 м с севера на юг и 16 м с запада на восток. При этом насыпь заметно сужалась к югу. Её сооружение связано сразу с двумя основными погребениями ямной культурно-исторической общности (№ 3 и 4), каждое из которых маркировано материковым выкидом на уровне древнего горизонта. Сохранившаяся высота первой насыпи на момент раскопок составляла 0,6 м над древним горизонтом.

Сооружение второй насыпи связано с погребением 6 ямной культурно-исторической общности, впущенным несколько южнее центра первой насыпи. Вероятно, диаметр второй насыпи превышал 25 м. Точные размеры её из-за глубокой плантажной распашки, уничтожившей вторую околокурганную выемку, не устанавливаются. Её границы можно определить лишь по планиграфии впускных погребений. Подчеркнём, что, судя по чётким краям околокурганной выемки и сохранности погребённого чернозёма, промежуток времени между сооружением первой и второй насыпей («шаг стратиграфии») должен быть очень небольшим. Это наблюдение подтверждается весьма схожими ориентировкой и позами костяков во всех трёх основных захоронениях.

Во вторую насыпь были впущены погребения № 1 и 2 (кенотаф), 5 и 10 ямной культурно-исторической общности. Они традиционно для позднеямных захоронений были ориентированы длинными осями ям перпендикулярно направлению на центр кургана. В северо-восточной части насыпи погребённые были направлены головами против часовой стрелки, в юго-восточной – по часовой стрелке (в кенотафе 2 – кости и зуб особи мелкого рогатого скота находились в более широкой северо-западной части ямы).

В южную часть второй насыпи были впущены два погребения ингульской катакомбной культуры (№ 8 и 11), камерами направленные к центру ямного кургана. В северо-восточной поле второй насыпи было сооружено погребение 7 ингульской катакомбной культуры. Наконец, последним в

юго-восточную полу кургана 2 группы «Дот» было впущено погребение 9, относящееся к раннесредневековым кочевникам. Оно перерезало входную шахту катакомбного погребения 11.

Проанализируем погребальный обряд и инвентарь комплексов кургана 2. Все четыре костяка из основных для обеих насыпей погребений были ориентированы головами в юго-западном направлении, и лежали скорченно на спине (в парном погребении 4 взрослый и ребёнок были слегка повёрнуты лицами друг к другу).

Хотя в подавляющем большинстве случаев для ямной культурно-исторической общности характерно наличие только одного основного погребения под первичной насыпью, на территории степи между Дунаем и Днепром изредка было прослежено возведение кургана над двумя и даже тремя основными захоронениями (Шапошникова и др. 1986, с. 13; Кетрару и др. 2014, с. 147-148; Разумов и др. 2015, с. 345; Субботин и др. 2017, с. 113). Подчеркнём, что в кургане 1 той же группы «ДОТ» у с. Глиное достоверно прослежена синхронность основных захоронений ребёнка и взрослого как для первой (мужчина (?) 25-50 лет и ребёнок до года), так и для второй (женщина 35-50 лет и ребёнок до трёх лет) насыпи (Разумов 2016, с. 64-68, рис. 1/1). Обе насыпи в плане были не круглыми, а «яйцевидными», заметно сужаясь к югу, как и первая насыпь кургана 2 (рис. 2). Аналогичная форма насыпи была прослежена в кургане 3 группы «Спутник» у с. Ближний Хутор Слободзейского района, где основным было погребение ребёнка с металлическими височными подвесками (Синика и др. 2015, с. 175, рис. 7/1). На левобережье Среднего Днестра были исследованы синхронные основные погребения Подлесовка 1/1А (мужчина 30-40 лет, над ним на помосте ребёнок 7-8 лет) и 1/1В (мужчина 22-25 лет). Серия дат ^{14}С для этих комплексов укладывается в XXXI–XXIX вв. до н. э. (Klochko *et alii* 2015a, p. 47-51, fig. 4).

Примечательно, что практически во всех случаях нахождения основных для первой и/или последующих насыпей синхронных погребений раннего бронзового века одно из них является либо детским, либо парным (взрослый + ребёнок). К настоящему времени по отношению к синхронным захоронениям взрослых и детей раннего бронзового века (парным и в разных ямах) исследователями были сформулированы две основные версии. Одни авторы утверждали, что детей с унаследованным высоким социальным рангом сопровождали «предложенные духу ребёнка наложницы» (Клейн 1979, с. 18-20) либо «кормилицы» (Черняков, Никитин 1988, с. 26-36; Марина 2002, с. 20). Однако необходимо подчеркнуть, что при наличии антропологических определений часто констатируется принадлежность взрослых, захороненных совместно с детьми, к мужскому полу. Другие авторы предполагали

существование человеческих жертвоприношений, отмечая периферийное расположение в кургане ряда основных детских захоронений, в том числе «замыкание» ими прохода в кольцевом рву или кромлехе (Петренко 2010, с. 361; Разумов 2016, с. 64-68). В иных случаях можно предполагать захоронение детей с унаследованным высоким социальным рангом, чья смерть совпала по времени с уходом из жизни взрослого родственника. Таким образом, основные захоронения кургана 2 группы «ДОТ» дополняют небольшую, но выразительную серию подобных комплексов, характеризующих определённые особенности погребальной обрядности эпохи ранней бронзы.

Инвентарь был найден только в двух ямных захоронениях. В погребении 5 у левого локтя погребённого был зафиксирован небольшой кремневый отщеп, не являвшийся орудием (рис. 5/3). Можно предположить, что в контексте погребального ритуала данный предмет имел символическое значение. Использование различных нефункциональных сколов и конкреций, отходов кремнеобрабатывающего производства в обрядовой практике различных культурных групп бронзового века может поясняться значением собственно кремня как материала с особыми культовыми функциями, по аналогии с использованием древесных углей, охры или мела (Razumov 2011, p. 119-140).

В погребении 10 вплотную к правой кисти погребённой были обнаружены окрашенные охрой кости ног мелкого рогатого скота. Обычай помещать в могилу копыта и фаланги мелкого рогатого скота отмечен для ямных захоронений Степного Крыма, Нижнего Поднепровья, левобережья Бугского лимана, в бассейне Ингульца (Шапошникова и др. 1986, с. 21; Мельник, Стеблина 2013, с. 49). На левобережье Среднего Днестра они были найдены в трёх комплексах (Razumov 2014, p. 342; Klochko *et alii* 2015b, p. 101, fig. 23/1). Следует упомянуть, что для впускного погребения с копытами и фалангами мелкого рогатого скота Пороги 3А/10 (находились у левого локтя женщины 25-30 лет, левые локтевая и лучевая кости покрыты орнаментом от «татуировки») есть большая серия дат ^{14}C, укладывающаяся, в целом, в XXII–XXI вв. до н.э. (Klochko *et alii* 2015b, p. 101). Соответственно, данный комплекс является позднеямным, как и погребение Глиное-ДОТ 2/10. Мы считаем, что копыта и фаланги мелкого рогатого скота в ямных погребениях не являлись напутственной пищей, а выступали в роли инвентаря, так же, как и астрагалы. Возможно, они использовались в ритуальных целях, например, для гадания. В пользу такого мнения свидетельствует и намеренная окраска этих костей охрой, как в публикуемом захоронении Глиное-ДОТ 2/10 (при этом сам костяк и подстилка не были окрашены).

Захоронения ингульской катакомбной культуры № 8 и 11 были впущены в южную полу насыпи, № 7 – в северо-восточную полу. Следует подчеркнуть,

что подавляющее большинство захоронений ингульской культуры впускалось в южные и юго-восточные полы курганов (Тощев 1991, с. 88). Единичные катакомбы в северных частях насыпей, как правило, отличались неординарными особенностями погребального обряда и/или инвентаря. Так, в северо-восточную часть ямного кургана 1 группы «Сад» у с. Глиное (в 1 км от кургана 2 группы «ДОТ») было впущено погребение 11, в котором были найдены уникальный набор гадальных костей, обожжённое диоритовое навершие сверленого топора-молота и кости сазанов (Разумов, Панковский 2018, с. 86).

Все катакомбы кургана 2 были направлены камерами к центру. В плане форма входных шахт близка к неправильному шестиугольнику с закруглёнными углами, форма камер – пятиугольная. Отметим, что в нескольких неординарных катакомбных захоронениях курганов у с. Глиное удалось проследить чётко обозначенные углы шахт и камер (Разумов, Панковский 2018, с. 80).

Костяки лежали головами слева от входов в камеры, что характерно для ингульской культуры. В комплексе 2/11 костяк мужчины лежал вытянуто на спине. Ребёнок из захоронения 2/8 лежал средне скорченно на спине с разворотом вправо. Такая поза, в отличие от вытянутой на спине или на боку, не является «каноничной» для ингульской культуры, однако, по нашим наблюдениям, нередко встречается именно в детских погребениях (Разумов 2017, с. 259). Возможно, скорченность детских костяков объясняется значительно меньшими размерами камер катакомб, согласно обрядовым требованиям.

В одном захоронении анатомический порядок костяка был намеренно нарушен. Следует также обратить внимание на наличие у погребённого в комплексе 2/7 и трепанации, и перелома руки со следами начавшегося заживления, что может указывать на его смерть от ран, полученных в боевом столкновении (перелом мог быть получен при попытке прикрыться от удара).

Традиция погребения по обряду демембрации получает достаточно широкое распространение в эпоху бронзы в степной и лесостепной зонах Восточной Европы (Лысенко, Разумов, с. 2016). Согласно подсчетам Р.А. Литвиненко, в катакомбных культурах она достигает 3,98 % от учтённых им погребений (Литвиненко 2011, табл. 2-3). С.Ж. Пустовалов, анализируя катакомбные территориальные массивы между Ингулом и Нижним Доном, насчитывает 2,4 % вторичных погребений (Пустовалов 2005, с. 35). В работе С.Г. Небрата на 884 учтённых погребения ингульской катакомбной культуры приводится выборка из 31 комплекса, которые являлись, по мнению автора, именно вторичными погребениями (около 3,5 %). При этом из выборки были исключены случаи сдвигания костяка в сторону при подзахоронении, а также «парциальные» (отдельных костей человека) погребения (Небрат 2013, с. 11-16). Подавляющее большинство этих комплексов (29) располагалось на

территории между реками Ингулом и Молочной (Небрат 2013, рис. 1). Только два погребения – Глиное 1/43 и Траповка 6/11 – находились гораздо западнее, в Нижнем Поднестровье и у оз. Сасык севернее устья Дуная соответственно. Заметим, что поблизости от упомянутого комплекса Траповка 6/11 было раскопано ещё одно погребение ингульской культуры с демембрацией – Лиман 2/4 (Тощев 1991, с. 91; Субботин, Тощев 2002, с. 14, рис. 3/2-6), не учтённое в подборке С.Г. Небрата. На левобережье Нижнего Днестра можно назвать, кроме отмеченного в подборке комплекса Глиное 1/43 (два расчленённых костяка, скелет коня), публикуемое здесь захоронение Глиное-ДОТ 2/7 (2016 г.), Глиное-ДОТ 3/6 (2019 г.), а также Ясски 3/12 (три расчлененных костяка, скелет овцы) (Тощев 1986, с. 57, рис. 9/15; Разумов 2019, с. 40).

Итак, демембрация была прослежена на территории Северо-Западного Причерноморья только в шести комплексах ингульской катакомбной культуры, хотя исследовано их здесь более 500. Три из шести захоронений исследованы в окрестностях с. Глиное. В двух случаях (Траповка 6/11 и Глиное 1/43) отмечено наличие кострищ в камерах катакомб. В четырёх случаях после завершения посмертных действий с телом входные колодцы катакомб «запечатывались» утрамбованным заполнением из материкового суглинка. Большой редкостью является размещение целой туши коня в камере катакомбы Глиное 1/43, а также туши овцы в комплексе Ясски 3/12 (Разумов 2019, с. 39-41). Следует обратить внимание и на наличие признаков пребывания тел в незакрытых камерах при незасыпанных входных колодцах в течение довольно длительного времени. В этой связи вывод С. Г. Небрата о том, что «помещение в могилу “расчлененных” скелетов является результатом погребения лиц, умерших вдали, во время выпаса скота или военного похода» (Небрат 2013, с. 18), представляется нам слишком прямолинейным. По нашему мнению, большинство «вторичных погребений» появилось в результате посмертных манипуляций с останками, определённое время пролежавшими в открытом погребальном сооружении. Вероятно, причиной таких манипуляций были определенные требования погребально-поминальной обрядности, связанные с прижизненными особенностями либо с обстоятельствами смерти покойных. В этом контексте можно упомянуть трепанацию и перелом руки в комплексе Глиное-ДОТ 2/7, а также наличие на черепе погребённого в катакомбе Глиное-ДОТ 3/6 пролома от лезвийной части каменного навершия топора-молота[2].

Инвентарь найден в двух катакомбных захоронениях – 2/7 и 2/11. Следует заметить, что каменные навершия булав являются довольно редкой категорией

[2] Раскопки авторов 2019 г. Материалы готовятся к печати.

находок в комплексах ингульской катакомбной культуры. Исследователи связывают их с погребениями представителей воинской аристократии (Пустовалов 2005, с. 37). Навершие булавы (вместе с бронзовыми ножом и шилом, а также с производственным набором для изготовления стрел) известно в основном погребении ингульской культуры Филатовка 12/20 в Крыму, где после демембрации кости были выложены в частично анатомическом порядке (Небрат 2013, с. 23). Навершия булав известны и в двух катакомбных комплексах Северо-Западного Причерноморья – Корпач 3/7 и Дубиново 1/12. С.В. Иванова связывает их с влиянием донецкого и бахмутского (осколо-донецкого) катакомбного населения (Иванова 2013, с. 275). Заготовки наверший булав ещё более редки в катакомбных памятниках. Возможно, цилиндрический десятигранник из мелкозернистого песчаника, лежавший в детском катакомбном погребении 2 кургана 1 у пос. Светлый (Тараклийский район, Молдова), также являлся подобной заготовкой (Манзура 1984, с. 112; Тощев 1991, с. 95, рис. 5/5). Обожжённая заготовка навершия булавы из выветренного плагиогранита лежала у правого локтя погребённого в комплексе ингульской культуры Глиное-Водовод 15/12. Под потолком камеры на многослойной подсыпке лежал скелет коня (Разумов 2019, с. 40).

Кремневая речная галька со следами подработки была обнаружена в дромосе погребения 2/11 (рис. 9/2). С помощью многочисленных несильных ударов жёсткого отбойника на её широком конце был сформирован полукруглый выступ. По нашему мнению, данное изделие не являлось орудием труда. Можно предположить, что оно представляло собой фигурку-амулет. Отметим, что в погребальных сооружениях ямной культурно-исторической общности известны не только многочисленные монументальные стелы, но и миниатюрные каменные антропоморфные фигурки схожей со стелами морфологии (Разумов, Усачук 2018, с. 55). В свою очередь, и в захоронениях катакомбных культур Северного Причерноморья было найдено около десятка фигурок-амулетов из кремня и других горных пород (Ковалёва 1989, с. 50; Разумов 2010, с. 167-173; Razumov 2011, p. 100). Возможно, данная фигурка использовалась в качестве символического заклада на входе в камеру, подобно антропоморфным стелам, костям жертвенных животных, ритуальным сосудам, деревянным колёсам, как это прослежено в ряде катакомбных комплексов (Пустовалов 2005, с. 38; Разумов 2017, с. 259).

Впущенное в юго-восточную полу погребение 2/9 связано с древностями средневековых кочевников. По обряду (северо-западная ориентировка, отсутствие костей коня) оно относится к типу I отдела А – самому распространённому в позднекочевнический период (Фёдоров-Давыдов 1966, с. 124). Наиболее часто подобные погребения встречаются в период господства

в степях Северного Причерноморья печенегов и торков, но известны они и в золотоордынское время (Фёдоров-Давыдов 1966, с. 151). Это объясняется тем, что в Поднестровье печенежско-торческое население жило обособленно и задержалось дольше, чем в центральных районах Золотой Орды (Разумов и др. 2013, с. 329-330; Синика и др. 2013, с. 131; Кетрару и др. 2014, с. 218). Таким образом, при отсутствии инвентаря и выразительных деталей погребальной обрядности важнейшее значение имеют ^{14}C даты комплекса Глиное-ДОТ 2/9, полученные в 2018 г. в Дебреценской лаборатории (Венгрия)[3]:

DeA-11323. Radiocarbon Age 1186±20.
One Sigma Ranges: (start: end) relative area
(cal AD 777: cal AD 792) 0.202776
(cal AD 803: cal AD 842) 0.488827
(cal AD 858: cal AD 881) 0.308397
Two Sigma Ranges: (start: end) relative area
(cal AD 773: cal AD 889) 1.

Следует отметить, что в последнее время в результате анализа погребального обряда и инвентаря, с учётом имеющихся радиоуглеродных дат, значительная серия кочевнических комплексов Пруто-Днестровского региона была атрибутирована как древневенгерская, в рамках второй половины IX – начала X в. (Квитницкий и др. 2019; Фокеев и др. 2019).

Подведём итоги. Под насыпью кургана 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра было исследовано семь комплексов ямной культурно-исторической общности, три из которых (2/3, 2/4, 2/6) являлись основными. Особенности обряда, данные планиграфии и стратиграфии позволяют отнести их к первой половине III тыс. до н. э. Остальные четыре комплекса, впущенные по дуге в восточную полу, являются позднеямными. Три комплекса ингульской катакомбной культуры предварительно можно датировать последней четвертью III тыс. до н. э. Выделяется комплекс 2/7 с расчленённым костяком, трепанацией, базальтовой заготовкой навершия булавы. В захоронении 2/11 найдена стилизованная кремневая фигурка.

Позднейшим в кургане было кочевническое погребение 2/9, датированное ^{14}C IX в. Исходя из датировки, предварительно можно связывать его с населявшими в это время территорию Северо-Западного Причерноморья древневенгерскими племенами.

[3] Авторы благодарят доктора Аттилу Тюрка (Будапешт, Венгрия) за предоставленные результаты радиоуглеродного датирования.

Литература

Иванова 2013: С. В. Иванова, *Катакомбные культуры*, в: И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова (отв. ред.) *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины)*, Одесса, 2014, с. 255-275.

Квитницкий и др. 2019: М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов, В. С. Синика, *Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра*, Stratum plus 5, 2019, с. 317-331.

Кетрару и др. 2014: Н. А. Кетрару, В. С. Синика, С. Н. Разумов, Н. П. Тельнов, *Дубоссарские курганы. Археологические памятники Приднестровья. Вып. II*, Тирасполь, 2014.

Клейн 1979: Л. С. Клейн, *Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века*, в: С. С. Березанская (отв. ред.), *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной* Европы, Тез. докл. конференции, Донецк, 1979, с. 18-20.

Ковалёва 1989: И. Ф. Ковалёва, *Социальная и духовная культура племён бронзового века (по материалам Левобережной Украины)*, Днепропетровск, 1989.

Литвиненко 2011: Р. А. Литвиненко, *Обряд вторинного поховання в культурах бабинського кола*, Донецький археологічний збірник 15, 2011, с. 7-35.

Лысенко, Разумов 2016: С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов, *Демембрация в погребальном обряде ингульской катакомной культуры*, Новое прошлое 4, 2016, с. 49-66.

Манзура 1984: И. В. Манзура, *Исследования курганов у пос. Светлый*, в: И. И. Артёменко (отв. ред.), *Курганы в зонах новостроек Молдавии*, Кишинев, 1984, с. 109-143.

Марина 2002: З. П. Марина, *К вопросу о социальной структуре ямного общества Левобережья Днепра,* в: Е. В. Яровой (отв. ред.), *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.)*, Тирасполь, 2002, с. 20.

Мельник, Стеблина 2013: О. Мельник, І. Стеблина, *Ямна культура середньої течії Інгульця*, Кривий Ріг, 2013.

Небрат 2013: С. Г. Небрат, *Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры*, Донецький археологічний збірник 17, 2013, с. 11-16.

Петренко 2010: В. Г. Петренко, *Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана,* Материалы по археологии Северного Причерноморья 11, 2010, с. 303-366.

Пустовалов 2005: С. Ж. Пустовалов, *Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я*, Київ, 2005.

Разумов 2010: С. Н. Разумов, *Катакомбное погребение с кремневой фигуркой*, Донецький археологічний збірник 13-14, 2010, с. 167-173.

Разумов 2016: С. Н. Разумов, *Синхронные погребения детей и взрослых в раннем бронзовом веке Северо-Западного Причерноморья* в: В. А. Алёкшин (отв. ред.), *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V-II тыс. до н.э.). Мат-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рожд. С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016)*, СПб, 2016, с. 64-69.

Разумов 2017: С. Н. Разумов, *Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра)*, в: А. А. Пригарин (отв. ред.), *Человек в истории и культуре: мемориальный сб. науч. работ в память лауреата Гос. премии Украины, акад. РАЕН, проф., д-ра ист. наук, Владимира Никифоровича Станко*, Вып. 3, Одесса, 2017, с. 257-265.

Разумов 2019a: С. Н. Разумов, *Колчанные наборы эпохи ранней бронзы Северного Причерноморья*, Stratum plus 2, 2019, с. 295-311.

Разумов 2019b: С. Н. Разумов, *Погребения лошадей ингульской катакомбной культуры,* Conferință ştiinţifică internaţională „Cercetări bioarheologice şi etnoculturale în sud-estul Europei", Crihana Veche (Cahul), 15-18 august, Bons Offices, 2019, с. 39-41.

Разумов и др. 2013: С. Н. Разумов, С. Д. Лысенко, В. С. Синика, Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, *Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра*, Stratum plus 2, 2013, с. 297-340.

Разумов и др. 2015: С. Н. Разумов, А. И. Смирнов, Л. И. Смирнов, Е. Г. Карнаух, *Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана*, Stratum plus 2, 2015, с. 329-357.

Разумов, Усачук 2018: С. Н. Разумов, А. Н. Усачук, *Комплекс раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного* Приазовь, в: В. С. Синика, Р. А. Рабинович (отв. ред.), *Древности. Исследования и проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П.* Тельнова, Кишинёв-Тирасполь, 2018, с. 49-58.

Разумов, Панковский 2018: С. Н. Разумов, В. Б. Панковский, *Погребение эпохи средней бронзы с игрально-гадальными костями из Нижнего Поднестровья,* Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 10, 2018, с. 77-97.

Синика и др. 2013: В. С. Синика, С. Н. Разумов, Н. П. Тельнов, *Курганы у села Буторы. Археологические памятники Приднестровья. Вып.1,* Тирасполь, 2013.

Синика и др. 2015: В. С. Синика, С. Н. Разумов, С. Д. Лысенко, Н. П. Тельнов, *Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра*, Материалы по археологии Северного Причерноморья 13, 2015, с. 164-194.

Субботин, Тощев 2002: Л. В. Субботин, Г. Н. Тощев, *Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман*, Запорожье, 2002.

Субботин и др. 2017: Л. В. Субботин, С. Н. Разумов, В. С. Синика, *Семёновские курганы. Археологические памятники Приднестровья. Вып. IV*, Тирасполь, 2017.

Тощев 1986: Г. Н. Тощев, *Средний период бронзового века Юго-запада СССР,* Запорожье, 1986.

Тощев 1991: Г. Н. Тощев, *Западный ареал памятников катакомбной культур,* в: Братченко С. Н. (отв. ред.), *Катакомбные культуры Северного Причерноморья*, Киев, 1991, с. 85-100.

Фёдоров-Давыдов 1966: Г. А. Фёдоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов,* Москва, 1966.

Фокеев и др. 2019: М. М. Фокеев, М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов, В. С. Синика, *Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров*, Stratum plus 5, 2019, с. 333-342.

Черняков, Никитин 1988: И. Т. Черняков, В. И. Никитин, *Металлические украшения ямной и катакомбной культур с пуансонным орнаментом*, Советская археология 4, 1988, с. 26-36.

Шапошникова и др. 1986: О. Г. Шапошникова, В. Н. Фоменко, Н. Д. Довженко, *Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант)*, Свод археологических источников В1-3, Киев, 1986.

Klochko *et alii* **2015a:** V. Klochko, A. Kośko, S. Razumov, P. Włodarczak, D. Żurkiewicz, *Eneolithic, Yamnaya, Catacomb and Babyno culture cemeteries, Pidlisivka, barrow 1, Yampil region, Vinnitsa oblast: archaeometry, chronometry and taxonomy*, Podolia as a cultural contact area in the 4th/3rd-2nd millenium BC, Baltic-Pontic Studies 20, 2015, p. 40-77.

Klochko *et alii* **2015b:** V. Klochko, A. Kośko, S. Razumov, P. Włodarczak, D. Żurkiewicz, *Eneolithic, Yamnaya and Noua culture cemeteries from the first half of the 3rd and the middle of the 2nd millennium BC, Porohy, site 3a, Yampil region, Vinnitsa oblast: archaeometric and chronometric description, ritual and taxonomic-topogenetic identification,* Podolia as a cultural contact area in the 4th/3rd-2nd millenium BC, Baltic-Pontic Studies 20, 2015, p. 78-141.

Razumov 2011: S. Razumov, *Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200 – 1600 BC (based on burial materials),* Baltic-pontic studies 16, Poznań, 2011.

Razumov 2014: S. Razumov, *Komponent tradycji kultury jamovej*, în: A. Kośko, M. Potupchyk, S. Razumov (ed.), *Naddniestrzańskie kompleksy cmentarzysk kurhanowych społeczności z III i z pierwszej połowy II tysiąclecia przed Chr. w okolicach Jampola, obwod Winnicki. Badania z lat 1984-2014,* Archaeologia Bimaris 6, 2014, p. 341-346.

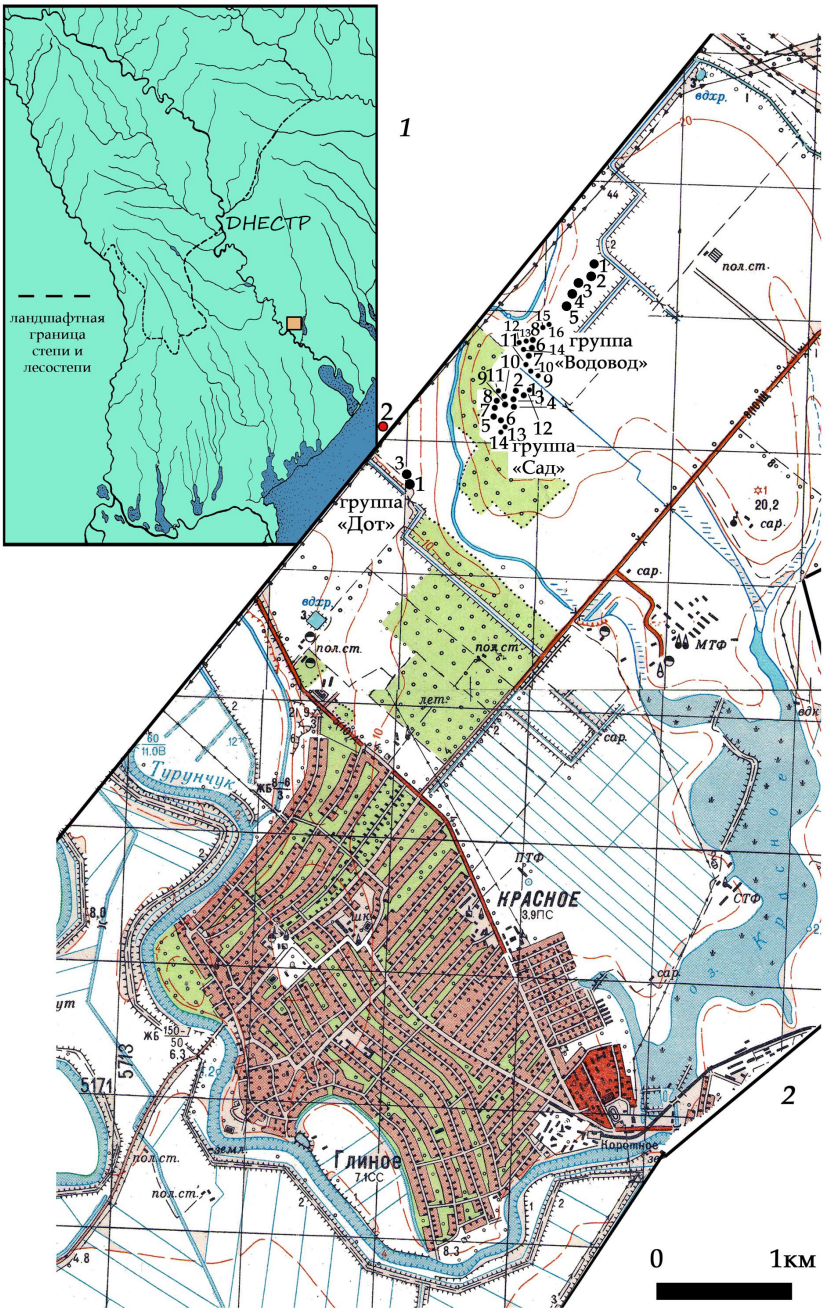

Рис. 1. Расположение курганной группы «ДОТ» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра
Fig. 1. The location of the barrow group "DOT" near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester

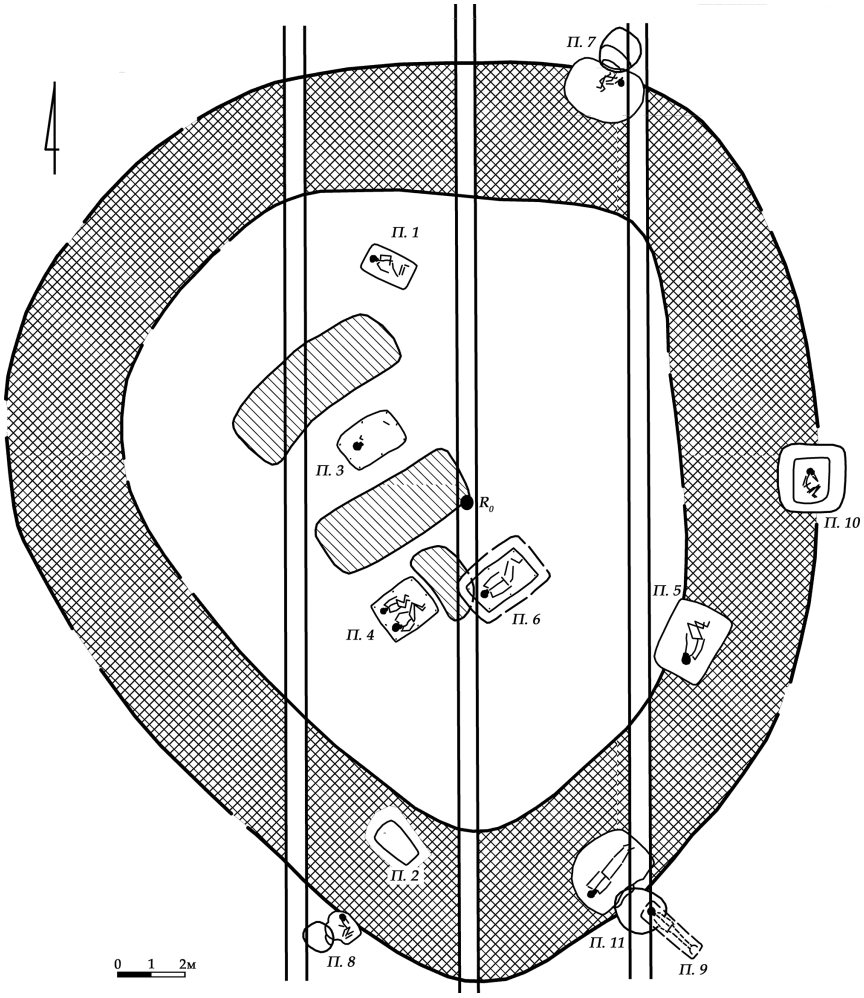

Рис. 2. План кургана 2 группы «ДОТ» у с. Глиное
Fig. 2. Plan of barrow 2 of the "DOT" group near Glinoe village

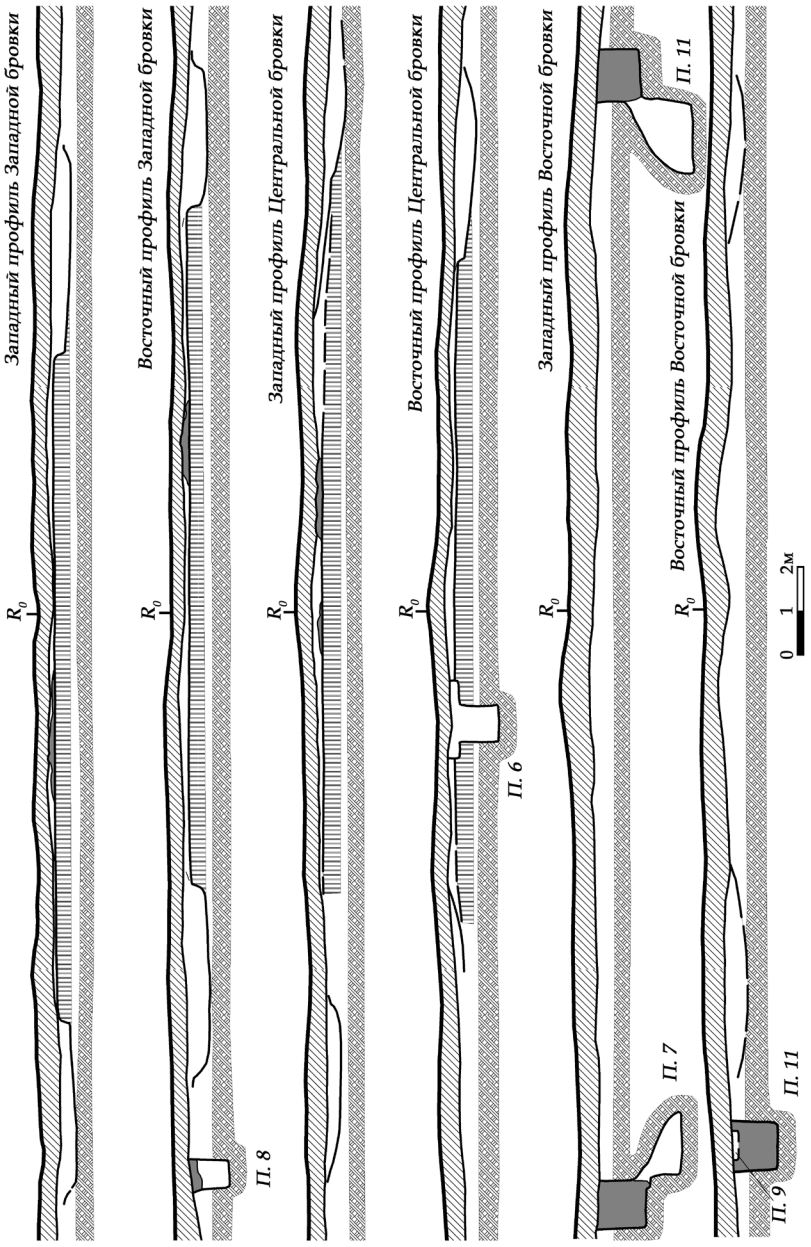

Рис. 3. Профили бровок кургана 2 группы «ДОТ» у с. Глиное
Fig. 3. Profiles of the baulks of barrow 2 of the "DOT" group near Glinoe Village

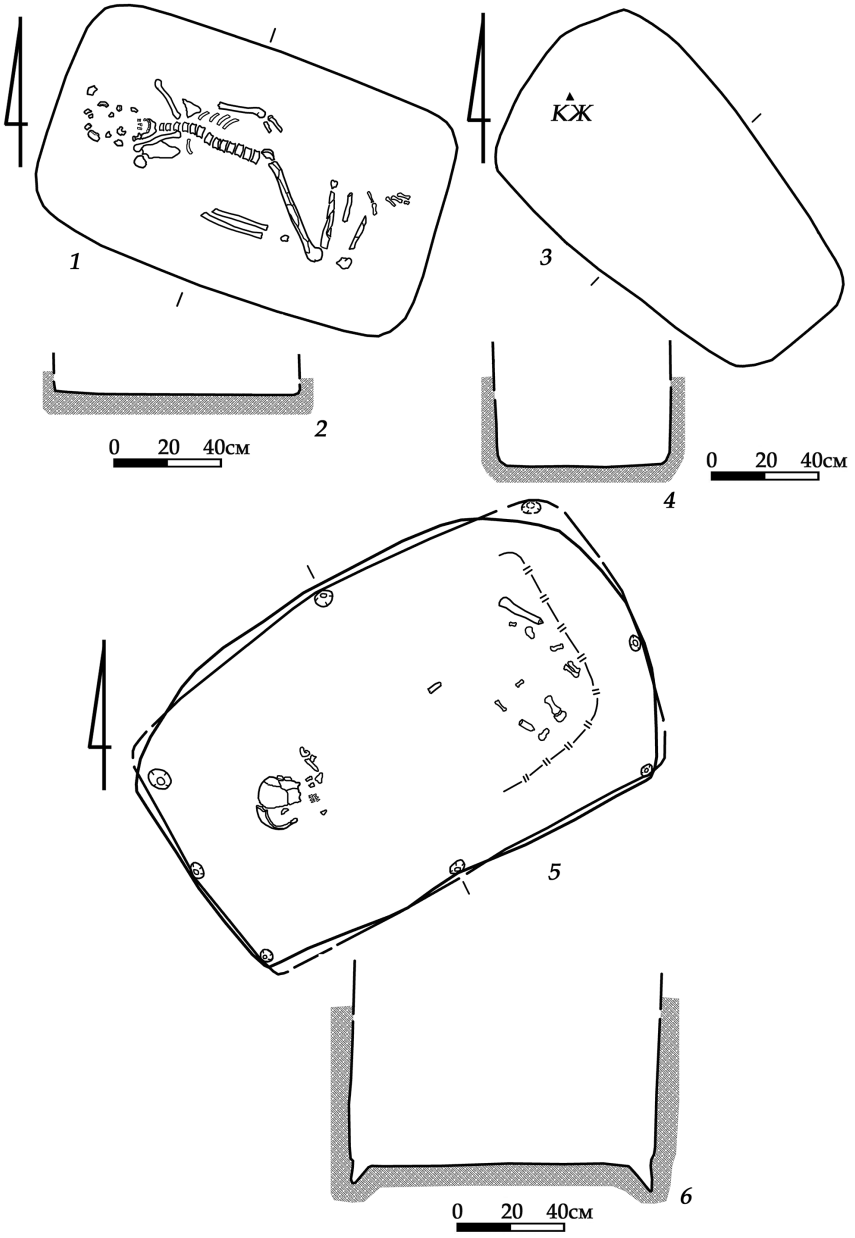

Рис. 4. Погребения 1, 2 и 3 кургана 2 группы «ДОТ»
Fig. 4. Graves 1, 2 and 3 from the barrow 2 of the "DOT" group

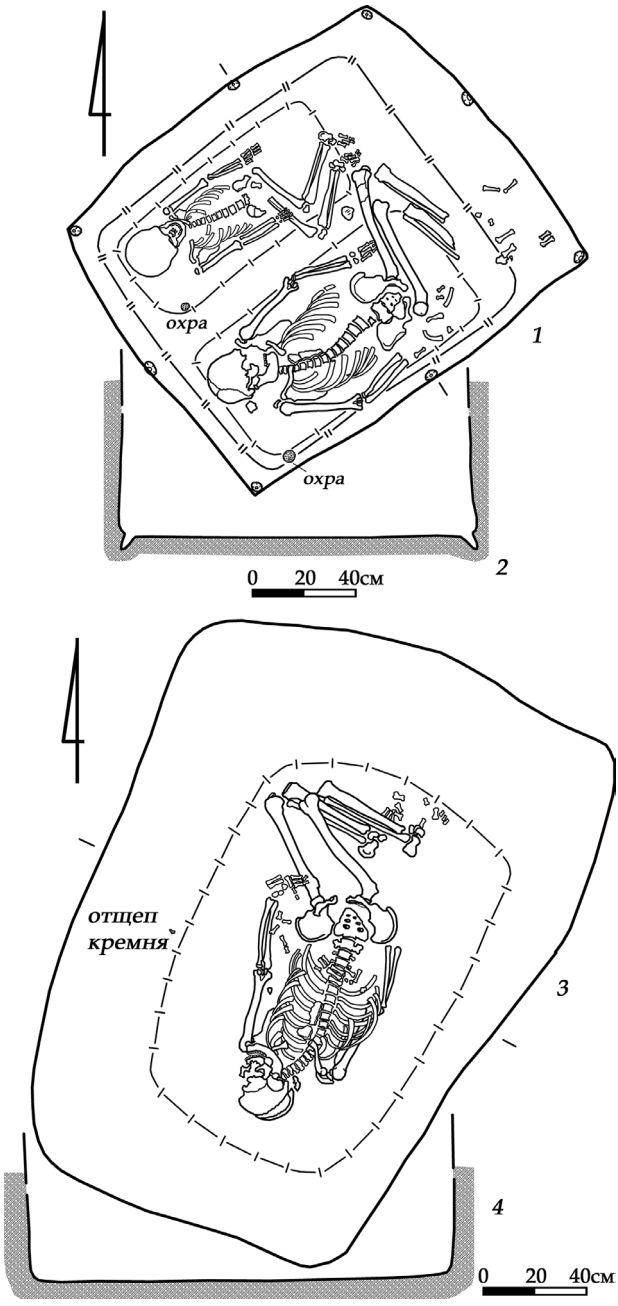

Рис. 5. Погребения 4 и 5 кургана 2 группы «ДОТ»
Fig. 5. Graves 4 and 5 from the barrow 2 of the "DOT" group

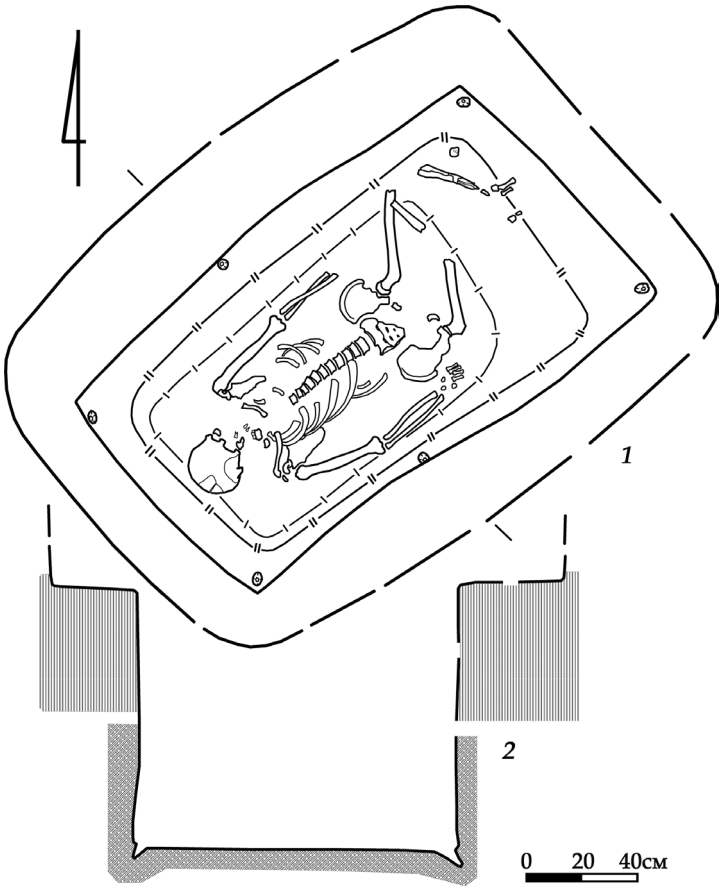

Рис. 6. Погребение 6 кургана 2 группы «ДОТ»
Fig. 6. Grave 6 from the barrow 2 of the "DOT" group

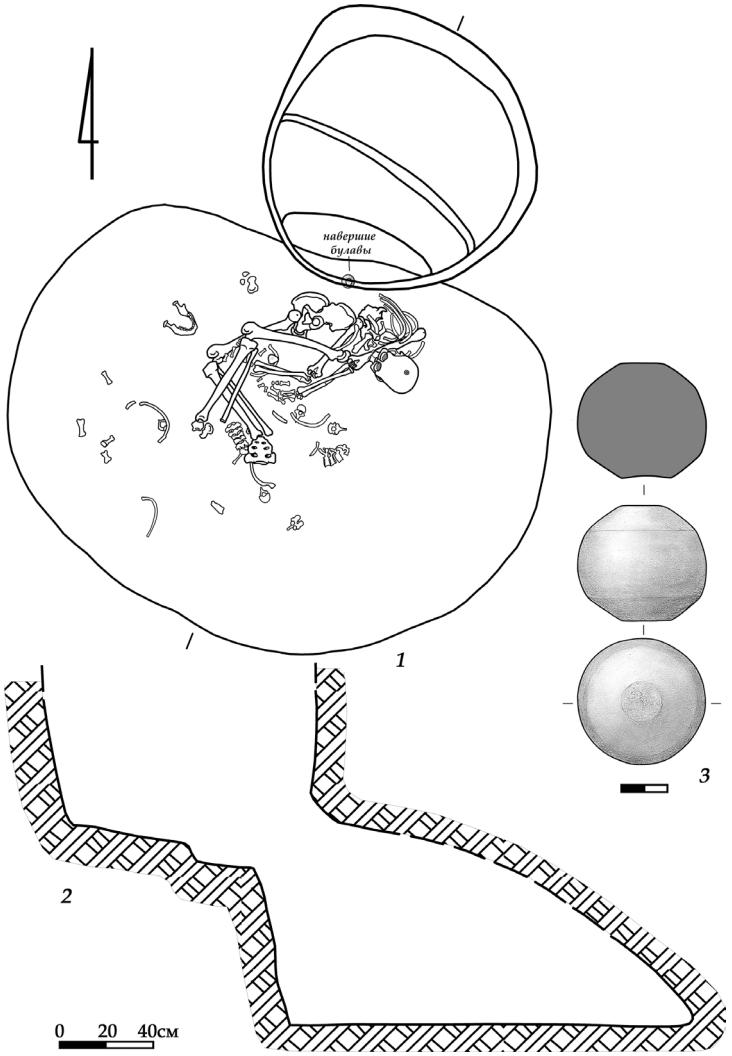

Рис. 7. Погребение 7 кургана 2 группы «ДОТ»
Fig. 7. Grave 7 from the barrow 2 of the "DOT" group

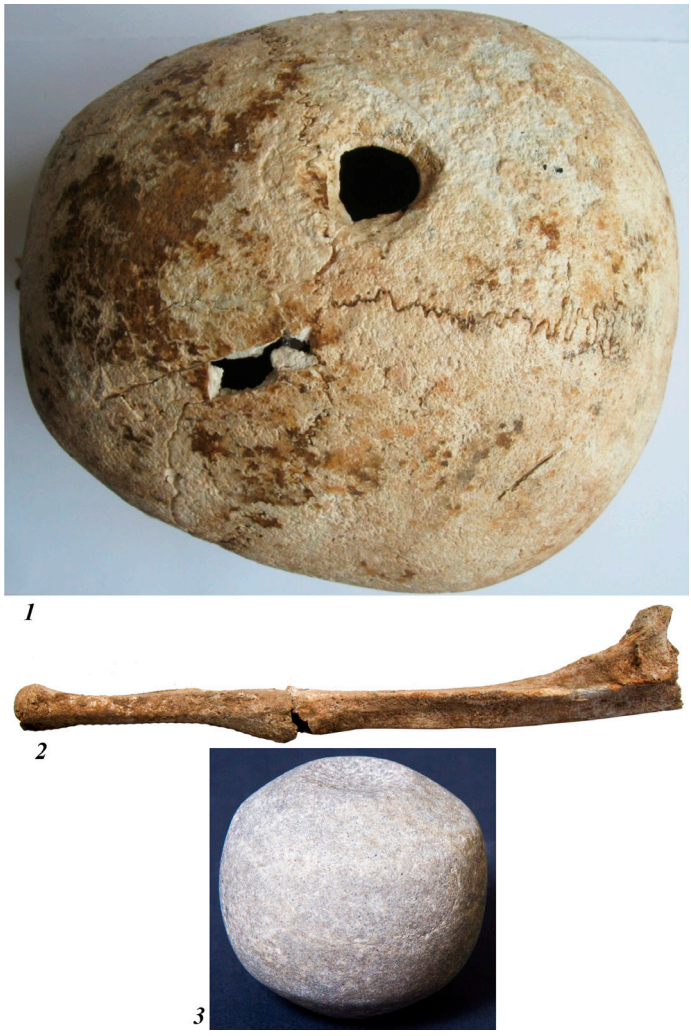

Рис. 8. Погребение 7 кургана 2 группы «ДОТ». Кости со следами травм (1, 2) и навершие булавы (3)
Fig. 8. Grave 7 from the barrow 2 of the "DOT" group. Bones with traces of trauma (1, 2) and mace head (3)

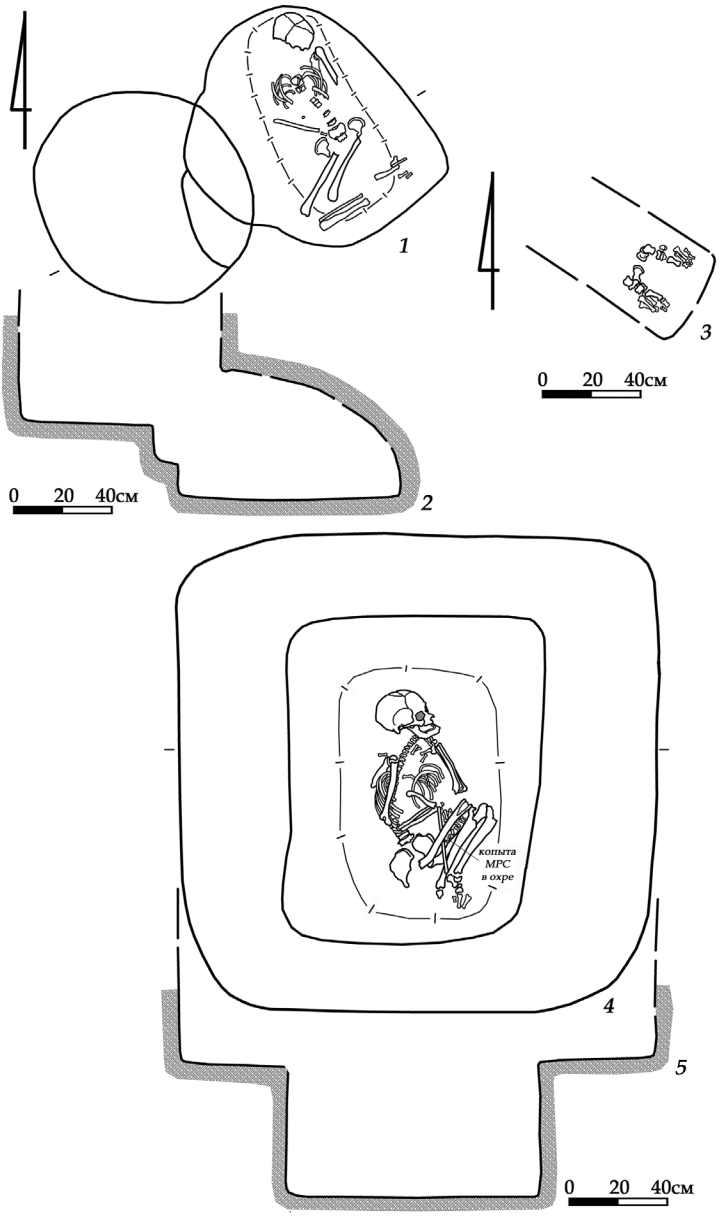

Рис. 9. Погребения 8, 9 и 10 кургана 2 группы «ДОТ»
Fig. 9. Graves 8, 9 and 10 from the barrow 2 of the "DOT" group

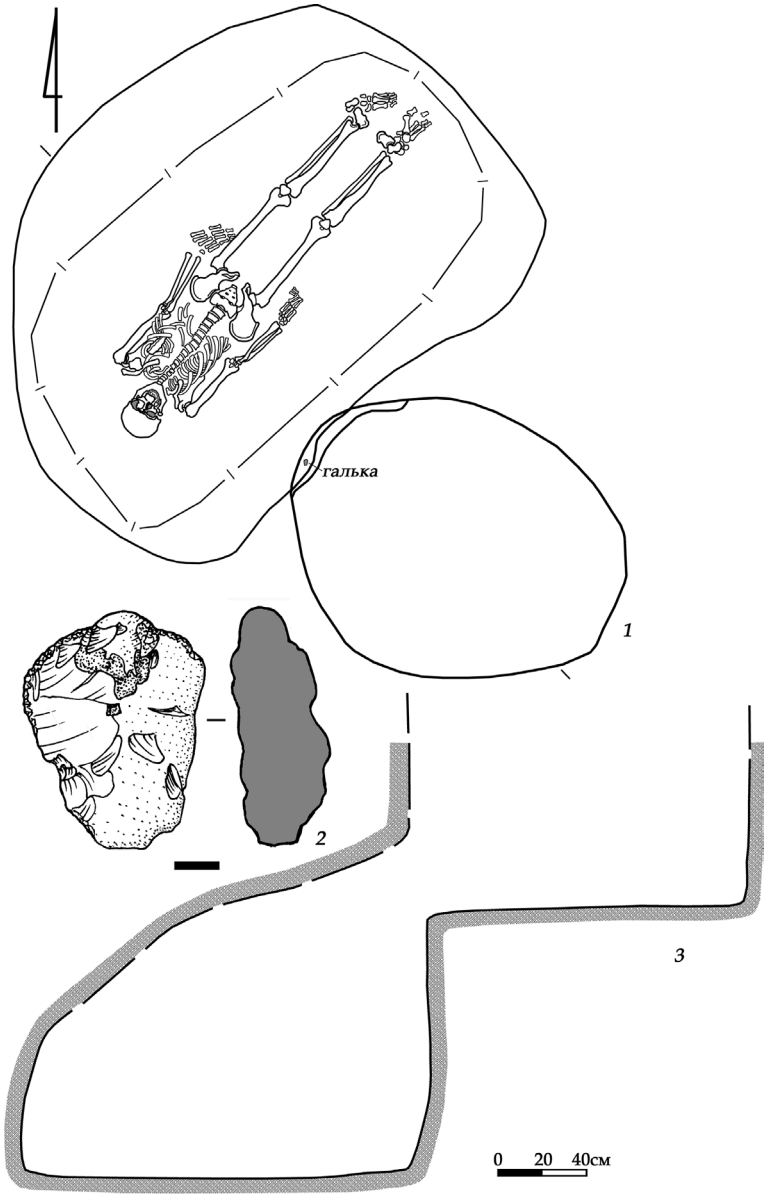

Рис. 10. Погребение 11 кургана 2 группы «ДОТ»
Fig. 10. Grave 11 from the barrow 2 of the "DOT" group